

С исторической точки зрения соблазнительна конъектура, предложенная Д. С. Лихачевым: „Ярослави и вси внуце Всеслави“ вместо „Ярославе и вси внуце Всеслави“, но едва ли она приемлема с точки зрения синтаксической.

Трудно принять давно уже предложенную конъектуру „Стugna... растрена к устью“ (в переводе — „Стugna... расширенная к устью“): во-первых, каждая река к устью расширяется, и ничего тут характерного для Стугны нет, во-вторых, в тексте дается не безразличная, а отрицательная характеристика Стугны.

Нет оснований менять, как это делается в большинстве изданий „Слова“, как это сделано и в настоящем издании, пунктуацию и вместе с нею смысл во фразе, так напечатанной в 1800 г.: „Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону“; — устраняя запятую после „Русицы“ и перенося ее после слов „конецъ поля Половецкаго“. Обращаясь к дружине, Игорю естественнее было бы призывать ее вместе с собой к одолению половцев, а не к тому, чтобы вся поголовно дружина сложила свою голову в битве с врагами. Гораздо правдоподобнее, что Игорь готов был жертвовать лишь своей головой, а не головами своих дружинников.

Напрасно редактор, вслед за А. С. Орловым, всюду в тексте „Слова“ *i* заменяет буквой *и* на том основании, что якобы буква *и* в рукописях XVI в. ставится значительно чаще, чем *i*, которое будто бы введено первыми издателями под влиянием орфографии XVIII в. Такая замена совершенно не оправдана: сто́ит посмотреть снимки с рукописей XVI в. (да и XV и XVII вв.) или хотя бы соответствующие страницы в „Исторической хрестоматии“ Буслаева, чтобы убедиться в том, что утверждение это неправильно. Наоборот, в рукописях XVI в. мы нередко встречаем *i* там, где полагалось бы быть *и*. Это правильно подметил и Барсов, указавший, что в „рукописях XVI в. получило весьма широкое употребление десятиричное *i*, которое часто ставилось там, где в древнем письме стояло *и* осмиричное“.¹

Нельзя, разумеется, отрицать в „Слове“ наличия большого количества ритмически организованных частей текста, но все же „Слово“ целиком не поддается ритмическому членению или, если угодно, поддается в такой же мере, как, например, многие места летописи: сравнительно несложная синтаксическая структура древне-русской прозы легко может ввести в соблазн придать ей ритмическое членение, но оно неизбежно окажется искусственным, так же как и в ряде случаев в тексте „Слова“, в частности, в тексте настоящего издания.

Мы, естественно, дольше задержались на характеристике последнего по времени издания текста „Слова“, вышедшего в академической

¹ Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М., 1887, стр. 124.